

*Жизнь
и дипломатическая
деятельность графа*
С.Р. ВОРОНЦОВА

Перед грав. Г.М. Воронцовых

ОКСАНА ЗАХАРОВА

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-
БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Оксана Захарова

**Жизнь и дипломатическая
деятельность графа
С. Р. Воронцова**

«Центрполиграф»

2013

Захарова О. Ю.

Жизнь и дипломатическая деятельность графа С. Р. Воронцова /
О. Ю. Захарова — «Центрполиграф», 2013

Книга посвящена представителю старинного дворянского рода Воронцовых. В ней прослеживается военная и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова, внесшего неоценимый вклад в развитие русско-английских отношений в конце XVIII – первой четверти XIX века. Для С.Р. Воронцова честь и доброе имя были дороже жизни, дороже всех материальных благ. Эти принципы он передал своему сыну – генерал-фельдмаршалу, светлейшему князю М.С. Воронцову. На основании ранее не опубликованных архивных материалов в книге приводятся интересные и малоосвещенные факты из истории российско-британских политических, экономических и культурных связей.

© Захарова О. Ю., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Введение	5
Род Воронцовых	11
В действующей армии	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Оксана Захарова

Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. Из истории русско-британских отношений

*...Я не придерживаюсь никакой партии, кроме партии моего
Отечества... я – Русский и только Русский*
Граф С.Р. Воронцов

Введение

На протяжении XVIII–XIX веков представители рода Воронцовых занимали высшие государственные должности в системе управления Российской империей, в том числе государственных канцлеров, вице-канцлеров, министров императорского двора, генерал-губернаторов, наместников и президентов коллегий.

Книга посвящена кавалеру ордена Святого Георгия 3-й и 4-й степеней, герою сражений при Ларге и Кагуле, выдающемуся российскому дипломату, графу Семену Романовичу Воронцову (1744–1832).

На протяжении своей карьеры Воронцов проявил себя не только как тонкий дипломат и опытный политик, но и как талантливый администратор, обладающий широким государственным кругозором.

Тем не менее в отечественной историографии не было ни одного монографического исследования, посвященного жизни и дипломатической деятельности С.Р. Воронцова, который в силу своих личных качеств, происхождения и воспитания являлся одним из ярких представителей эпохи.

Историография проблемы. В отечественной и зарубежной историографии практически единственным трудом о С.Р. Воронцове является исследование Д.Д. Рябинина «Граф Семен Романович Воронцов»¹, опубликованное в журнале «Русский архив» за 1879 год.

Отдавая должное заслугам С.Р. Воронцова, автор в то же время отмечает: «Он был отец знаменитого сына, фельдмаршала, князя М.С. Воронцова, и яркою известностью этого сына он был отодвинут для нас на второй план, в глубину исторической арены, откуда долго не слышалось нам его полузабытое имя»².

Для написания своего труда Д.Д. Рябинин использовал в основном материалы, опубликованные в Архиве князя Воронцова, который начал издаваться в 1870 году³.

Отдельная группа работ, в которых рассматриваются те или иные стороны жизни и деятельности С.Р. Воронцова, – это различные по времени написания монографии и статьи, посвященные истории европейской дипломатии XVIII века.

К их числу принадлежит труд В.Н. Александренко «Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке» (т. I, II, 1897 г.)⁴. Профессор Варшавского университета, автор целого ряда трудов, посвященных истории русско-английских отношений, В.Н. Александренко изучал

¹ Рябинин Д.Д. Граф Семен Романович Воронцов // Русский архив. 1879. № 1,4; Рябинин Д.Д. Биография графа С.Р. Воронцова // Русский архив. 1879. № 2, 3.

² Рябинин Д.Д. Граф Семен Романович Воронцов // Русский архив. 1879. № 1, 4. С. 58.

³ С 1870 по 1879 год из 40 книг было издано 14.

⁴ Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Т. I, II. Варшава, 1897.

материалы Московского главного архива Министерства иностранных дел, Лондонского государственного архива, Парижского архива Министерства иностранных дел и т. д.

В первом томе содержится история русских посольств в Англии от Петра Великого до Александра I, во втором – рескрипты, инструкции, реляции, депеши, письма.

В результате своего исследования В.Н. Александренко пришел к заключению, что в XVIII веке дипломатические отношения России с Англией имели важное значение для России вследствие морского могущества Великобритании, ее культурно-политического влияния в Европе и обширных торговых связей.

В области этих отношений зарождались проблемы общеевропейского характера, имеющие актуальное значение не только в XVIII веке, но и в последующие столетия (вооруженный нейтралитет, восточный и среднеазиатские вопросы).

В первом томе своего исследования Александренко дает образ дипломатической деятельности в Лондоне С.Р. Воронцова, в результате которого он пришел к выводу: «Военный по призванию и по службе, гр. Воронцов принадлежал тем не менее к числу наиболее выдающихся русских дипломатов XVIII века. Он обладал широким политическим умом, прекрасной эрудицией, независимым характером и самостоятельными взглядами на политические и государственные вопросы своего времени»⁵. С таким утверждением согласен и В. Тимирязев, автор очерка «Русские дипломаты XVIII столетия в Англии». По его мнению, С.Р. Воронцов был «самым блестящим, самым замечательным представителем России в Англии в XVIII столетии»⁶. При этом автор отмечает, что на протяжении долгого времени «русская дипломатия... оставалась неведомой, недоступной областью для историков, и только в последние годы стали появляться драгоценные материалы для ее изучения...»⁷.

В советской историографии практически первым исследованием (не считая нескольких биографических заметок в энциклопедиях и справочных изданиях), посвященным дипломатической деятельности С.Р. Воронцова, была статья профессора Е. Штейнберга «С.Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков». Как считает ученый, деятельность С.Р. Воронцова не получила должного освещения в отечественной и зарубежной историографии. В своей работе он отмечает: «В блестящей портретной галерее русских дипломатов есть много несправедливо забытых имен. К их числу относится имя Семена Романовича Воронцова, который с полным правом может считаться одним из создателей русской дипломатической школы»⁸. Изучив опубликованные материалы Архива князя Воронцова, Е. Штейнберг пришел к заключению, что антифранцузская деятельность Воронцова, его отвращение к якобинству связано с тем, что, по мнению Семена Романовича, Франция при любом строе будет стремиться к гегемонии на европейском континенте и ее политика – это угроза для интересов России в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. На протяжении многих лет Воронцов отстаивал идею объединения России и Англии против Франции.

Дипломатическая деятельность С.Р. Воронцова, в частности его роль в разрешении так называемого Очаковского кризиса 1791 года, рассматривается в статье А.М. Станиславской «Англо-русские отношения в конце XVIII в.». Используя материалы Центрального государственного архива древних актов (фонд № 36. Лондон), автор приводит в своей работе краткое содержание антивоенных брошюр, создателем одной из которых был Воронцов. А.М. Станиславская подчеркивает в своем исследовании, что основная заслуга в обработке обществен-

⁵ Александренко В.Н. Указ. соч. Т. I. С. 61.

⁶ Тимирязев В. Русские дипломаты XVIII столетия в Англии // Исторический вестник. Т. LXII. 1989. С. 579.

⁷ Тимирязев В. Указ. соч. С. 243.

⁸ Штейнберг Е.С. Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков // Исторический журнал. 1943. № 11–12. С. 34.

ного мнения англичан, выступавших за мирные отношения с Россией, принадлежала именно С.Р. Воронцову⁹.

Спустя почти сорок лет после выхода в свет статьи А.М. Станиславской в сборнике «Россия и Европа. Дипломатия и культура» была опубликована работа Т.А. Родиной, посвященная дипломатической деятельности С.Р. Воронцова¹⁰. Отдавая должное его заслугам, автор справедливо отмечает, что Воронцов всегда «служил делу, а не лицу», сохраняя при этом независимость взглядов и суждений¹¹, и что он принадлежит «к числу наиболее крупных русских дипломатов конца XVIII – начала XIX в.»¹².

В целом следует заметить, что личность С.Р. Воронцова не вызывает должного интереса у современных российских исследователей.

В сборнике «Российская дипломатия в портретах» С.Р. Воронцов упоминается как один из способных и энергичных помощников Екатерины II¹³ и как один из лидеров англофилов в России¹⁴. Исследование, посвященное дипломатической деятельности С.Р. Воронцова, в сборнике отсутствует. В «Истории дипломатии» в разделе, посвященном Восточному кризису 1791 года, о С.Р. Воронцове сказано, что он поддерживал тесные связи в Лондоне с оппозицией¹⁵ и что Екатерина II попросила дипломата купить для нее бюст знаменитого оратора оппозиции Ч. Фокса¹⁶. Отсутствует его имя и в учебнике «История международных отношений и внешней политики России (1648–2005)»¹⁷, изданном в 2010 году. Не упоминается там и Восточный кризис 1791 года.

В отличие от России, где не удалось обнаружить исследований, посвященных роли С.Р. Воронцова в развитии российско-британских научных, культурных, промышленных и военных связей, в Англии этой проблемой плодотворно занимается профессор Э.Г. Кросс, автор монографии «У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке»¹⁸. Один из крупнейших английских знатоков русского XVIII века, профессор Кембриджского университета, член Британской академии наук, Э.Г. Кросс – автор целого ряда книг и статей, посвященных русско-английским литературным и культурным связям. Благодаря его усилиям в Британии была создана группа по изучению России XVIII века, получившая международное признание.

В монографии «У Темзских берегов» автор, используя документы британских архивов, материалы Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге, а также опубликованные материалы из Архивов князя Воронцова, графов Мордвиновых, А.А. Самборского и князя Ф.А. Куракина, исследует проблему русско-английских культурных связей в XVIII веке. В книге содержится «Список россиян, побывавших в Великобритании с 1700 по 1800 гг.»¹⁹ – более 500 имен российских дипломатов, государственных деятелей, писателей, военнослужащих, студентов и т. д. Отдельные страницы в главе «Русское посольство в Лондоне» посвящены С.Р. Воронцову. По мнению профессора Кросса, «в лице Семена Романовича Воронцова русская дипломатия в Англии приобрела самого замечательного своего пред-

⁹ См.: Станиславская А.М. Англо-русские отношения в конце XVIII в. // Доклады и сообщения института истории. Вып. 12. М., 1957. С. 116.

¹⁰ См.: Родина Т.А. Русский дипломат в Лондоне (Дипломатическая деятельность С.Р. Воронцова) // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 1995.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Там же. С. 19.

¹³ См.: Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 14.

¹⁴ См.: Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 105.

¹⁵ См.: История дипломатии: [Сб.] // Сост. А. Лактионов. М., 2005. С. 372.

¹⁶ Там же. С. 373.

¹⁷ Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2005). М., 2010.

¹⁸ Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.

¹⁹ Кросс Э.Г. Указ. соч. С. 348–362.

ставителя, а приезжавшие сюда учиться русские студенты – пока они проявляли должную патриотическую целеустремленность и усердие – самого надежного покровителя»²⁰.

Весьма важные подробности о судьбах представителей семьи Воронцовых в Англии содержатся в статье Г. Струве²¹. В частности, об отношениях С.Р. Воронцова со своим внуком (сыном дочери) Сидни Гербертом, 1-м лордом Гербертом из Ли, будущим военным министром британского правительства.

Подводя итоги краткому историографическому обзору, следует сказать, что личность С.Р. Воронцова, его военная и дипломатическая деятельность освещались отечественными и зарубежными исследователями весьма фрагментарно и недостаточно основательно.

Цель настоящего исследования состоит в характеристике С.Р. Воронцова как одного из выдающихся российских дипломатов конца XVIII – начала XIX века, выяснении его места и роли в системе развития российско-британских военных, научных, политических и культурных связей. В задачи исследования входит показ формирования личности С.Р. Воронцова, определение основных этапов его военной и дипломатической карьеры, а также показ на примере российско-британских отношений XVIII века существующих и ныне возможностей взаимного обогащения и взаимодействия западной и восточной цивилизаций.

Источниковая база исследования включает две большие группы материалов: документальные публикации и архивные материалы.

К числу первых принадлежат прежде всего материалы, опубликованные П.Н. Бартеневым в сорока книгах «Архива князя Воронцова»²². Это огромный свод источников, включая в том числе автобиографию²³ С.Р. Воронцова и его переписку с Екатериной Великой²⁴, А.А. Безбородко, Р.И. Воронцовым, М.С. Воронцовым, А.Б. Куракиным²⁵, Ф.В. Ростопчиным и другими государственными деятелями России конца XVIII – начала XIX века.

10 ноября 1796 года С.Р. Воронцов получил от Ф.В. Ростопчина письмо со словами: «Напишите мне поскорее и изложите в подробностях ваши мысли и чего вы хотите»²⁶. Ответом стала автобиография С.Р. Воронцова, которую он писал почти два месяца.

Французский подлинник был напечатан в восьмой книге «Архива князя Воронцова». В автобиографии дано, по словам С.Р. Воронцова, «пространное описание» основных событий и фактов его жизни с 1762 по 1797 год (июньский переворот 1762 года, военная служба под началом П.А. Румянцева-Задунайского, Очаковский кризис 1791 года и т. д.).

С.Р. Воронцов с уважением относился к Ф.В. Ростопчину, считал его образованным, беспрельдно преданным своему Отечеству человеком, одним из своих близких друзей. Он просил Ростопчина никому не говорить об этом очерке и никому его не показывать. Вероятно, потому, что его взгляд на многие политические события того периода заметно отличался от официального мнения Петербурга. При этом Семен Романович беспокоился не столько о себе, сколько о своих друзьях, находившихся на службе в России.

Весьма ценные сведения о С.Р. Воронцове и его окружении содержатся в воспоминаниях Е.Р. Дашковой, Н.М. Карамзина, Е.Ф. Комаровского, В.Н. Зиновьева, Ф.Ф. Вигеля и П.И. Макарова²⁷. В целом опубликованные источники позволяют воссоздать атмосферу обще-

²⁰ Там же. С. 43.

²¹ *Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nicolays and others // California Slavik Studies, 1970. V. P. 93—136.*

²² Архив князя Воронцова. Кн. 1—40. М., 1870—1895.

²³ Там же. Кн. 8.

²⁴ Там же. Кн. 16.

²⁵ Там же. Кн. 8, 16, 17.

²⁶ *Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. С. 33.*

²⁷ См.: *Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990; Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1988; Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990; Журнал путешествий В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии*

ственно-политической жизни России, исследовать военную и дипломатическую деятельность С.Р. Воронцова, понять, как оценивали современники и представители высших кругов государственного аппарата Российской империи его действия. Однако для полноты освещения, для разностороннего и глубокого изучения места и роли Воронцова в истории европейской дипломатии потребовалось использовать архивные материалы, главным образом Архива внешней политики Российской империи историко-документального департамента Министерства иностранных дел России (далее АВПРИ ИДД МИД России) и научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

При написании монографии использовались в основном материалы АВПРИ ИДД МИД России. В фонде № 35 «Сношения России с Англией» (опись № 6 (1721–1808) содержатся реляции А.Р. Воронцова и С.Р. Воронцова, ноты английских послов в Россию, мемуары (1721–1792), трактаты и договора). Период с 1785 по 1798 год насчитывает почти 150 единиц дел, посвященных истории российско-английских отношений.

Документы «Канцелярии Министерства иностранных дел» хранятся в фонде № 153 (опись № 468 (1797–1830); опись № 469 (1830–1869); опись № 470 (1870–1917)). В фонде № 36 «Лондонская миссия» содержатся рескрипты Екатерины II, выдержки из депеш и копии писем чрезвычайного посланника и полномочного министра в Лондоне графа Воронцова Екатерине II и вице-канцлеру, графу И.А. Остерману, реляции С.Р. Воронцова, канцелярские цидулы, переписка С.Р. Воронцова с А.В. Суворовым, А.А. Безбородко, П.А. Зубовым, И.А. Голенищевым-Кутузовым, И.Г. Чернышевым, письма русских морских офицеров, служивших на английском флоте, документы о приобретении инструментов для адмиралтейства, о покупке шерсточесальных и других машин.

Материалы, касающиеся государственной и военной деятельности представителей семьи Воронцовых, хранятся также в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в том числе переписка С.Р. Воронцова с Екатериной II, Павлом I, В.П. Орловым-Давыдовым, Ю.П. Литта, К.Я. Булгаковым, Н.П. Румянцевым, А.А. Полянским, Я.И. Булгаковым.

в 1784–1788 гг. // Русская старина. 1878. Т. 23; *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 2000; *Макаров П.И.* Россиянин в Лондоне, или Письма к друзьям моим // Московский Меркурий. 1803. № 1.

Ростовский кремль

Важные сведения о приглашении на службу английских морских офицеров были найдены в рескриптах императрицы Екатерины II адмиралу В.Я. Чичагову.

Архивные материалы существенно дополнили, а в ряде случаев позволили впервые воссоздать важные события дипломатической деятельности С.Р. Воронцова. Они дали возможность судить, насколько был обширен круг вопросов, находившихся в ведении дипломата, выявить степень его самостоятельности в принятии решений, характеризовать отношения Воронцова с российскими и британскими государственными и военными деятелями, с учеными, литераторами, художниками и т. д. Их анализ помогает лучше понять саму структуру дипломатической службы в Российской империи в XVIII–XIX веках.

В данной работе автор стремился не только изложить в хронологическом порядке основные факты из биографии С.Р. Воронцова, но и наиболее полно представить его дипломатическую деятельность в Лондоне как важный этап в истории русско-английских отношений.

Одна из главных задач исследования – показать личность русского дипломата на фоне своего времени – эпохи дворцовых переворотов, «джентльменских» войн, череды сменившихся российских императоров и блистательных авантюристов.

Род Воронцовых

Для представителей семьи Воронцовых восхождение на государственный олимп Российской империи началось в Ростове, где дед С.Р. Воронцова статский (впоследствии тайный) советник Илларион Гаврилович Воронцов (1674–1750) служил воеводой и где семье Воронцовых оказывал духовное покровительство один из наиболее просвещенных людей своего времени святитель Дмитрий Ростовский.

Вероятно, именно благодаря содействию Дмитрия Ростовского И.Г. Воронцову удалось дать своим сыновьям Михаилу (1714–1767), Роману (1717–1783) и Ивану (1719–1786) достойное по тем временам воспитание и образование, что позволило им впоследствии занять высокие государственные должности в аппарате управления Российской империи²⁸.

В 1735 году состоялось венчание старшего из сыновей – Романа Илларионовича Воронцова с Марфой Ивановной Сурминой (1718–1745), происходившей из богатой купеческой семьи. (Ее отцу принадлежали земли с крестьянами на территории будущих Костромской, Владимирской, Ярославской и других губерний.) Супруги Воронцовы пользовались при дворе Елизаветы Петровны особым расположением и доверием. Известно, что сначала они ссужали деньгами Елизавету Петровну, а затем и великого князя Петра Федоровича.

Деловые качества Романа Илларионовича и его преданность были по достоинству оценены при дворе. В 1746 году Р.И. Воронцов – камергер, в 1755-м – генерал-поручик, с 1760 года – член Правительствующего сената, генерал-аншеф при Петре III. При Екатерине Великой, после июньского переворота 1762 года, был некоторое время в опале, а затем стал наместником Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний.

²⁸ М.И. Воронцов состоял камер-юнкером при цесаревне Елизавете Петровне, был одним из активных участников переворота 25 ноября 1741 года; в 1742 году он женился на А.К. Скавронской, двоюродной сестре императрицы. В 1744 году Михаил Илларионович – вице-канцлер, а с 1758 года – канцлер Российской империи. М.И. Воронцов выделялся при дворе цесаревича образованностью и умением владеть пером. Современники неоднозначно оценивали результаты его государственной деятельности, но при этом были практически единодушны в признании за ним таких качеств, как честность, твердость и прямота. И.И. Воронцов – генерал-поручик, президент Вотчинной коллегии; был женат на М.А. Волынской, дочери министра императрицы Анны Иоанновны – А.П. Волынского. Их сын Артемий Иванович Воронцов (1748–1813), действительный статский советник, камергер, сенатор, женившись на П.Р. Квашниной-Самариной (двоюродной сестре бабушки А.С. Пушкина – М.М. Ганнибал), стал крестным отцом А.С. Пушкина.

Г. Сердюков. Портрет Р.И. Воронцова

Супруге не суждено было наблюдать за продвижением своего мужа по государственной службе. В 1745 году она умирает, не дожив до 28 лет. Современники вспоминали о ней «с восхищением и благодарностью, настолько она была добродетельна, чувствительна и великодушна» [1].

Государственная деятельность Романа Илларионовича Воронцова вызывала неоднозначную оценку как современников, так и историков. Неизвестно до сих пор и то, насколько активно участвовал он в воспитании своих детей²⁹. Двое из них – Мария и Елизавета – были

²⁹ Мария (1737–1765) – в замужестве Бутурлина; муж – сенатор П.А. Бутурлин (1734–1784). Елизавета (1739–1792) – фаворитка императора Петра III, в замужестве Полянская (муж – статский советник А.И. Полянский (1721–1818). Александр (1741–1805) – президент Коммерц-коллегии в 1883–1794 годах и канцлер в 1802–1804 годах. Екатерина (1743–1810) – в

взяты ко двору императрицы. Воспитанием и образованием Александра, Екатерины и Семена занимался его брат Михаил Илларионович Воронцов. (Р.И. Воронцов, овдовев, сошелся с англичанкой Елизаветой Бронет; их дети получили дворянство под фамилией Ронцовых.)

Подробных сведений о детстве С.Р. Воронцова нет. В то же время известно, что «граф Семен Романович первоначально получил легкое французское обучение, но от своего дяди – канцлера, и в особенности от своего брата, одного из образованнейших людей того времени, заразился страстною охотою к чтению и до глубочайшей старости сохранял в себе благородную потребность непрестанной умственной пищи» [2]. В 1753 году он был принят в число пажей императрицы, а через семь лет состоял уже камер-пажом.

В 1760 году С.Р. Воронцов, будучи юношей, совершил путешествие в Сибирь. Из Москвы он направился через Владимир, Муром, Арзамас, Симбирск в Казань, где находился медный завод канцлера М.И. Воронцова, а оттуда через Кунгур и Екатеринбург – до Верхне-Исетского завода графов Воронцовых, далее – в Тобольск, на Ирбитскую ярмарку и в Тюмень. Затем вернулся на Егошинский медный завод. Это продолжительное путешествие познакомило его с Уралом и Сибирью, с особенностями характера и образа жизни проживавших на этой территории России народов.

замужестве княгиня Дашкова, в 1783–1796 годах – директор Петербургской академии наук и президент Российской академии. Семен (1744–1832) – с 1783 года полномочный министр в Венеции, в 1785–1806 годах – в Лондоне).

Неизвестный художник. Портрет М.И. Воронцова

Неизвестный художник. Портрет А.К. Воронцовой

В то время как С.Р. Воронцов познавал жизнь российскую, его брат Александр Романович знакомился с особенностями европейского быта. Отец при отъезде его во Францию в 1758 году напутствовал: «Помни, мой друг, что ты поехал учиться, а не щеголять <...>, мотовством доброго имени не наживешь <...>». В школе *chevaux legers* он пробыл полтора года и писал: «Шлюсь на всех беспристрастных людей, кои меня знали в сем городе (Париже), что знание девок, балов и прочих публичных мест, что столь других веселило, мне ни малое удовольствие не делало <...>, мало находится людей в мои лета, кто б столь мало в дебошах наслаждался, как я», – писал А.Р. Воронцов [3]. Отец напрасно волновался за сына, он был серьезным не по годам. В 1759 году А.Р. Воронцов для дяди-канцлера составил описание португальского и испанского дворов. В 20 лет началась его дипломатическая карьера. В 1761 году он стал поверенным по делам Российской империи при Венском дворе.

После смерти Елизаветы Петровны Петр III произвел графа С.Р. Воронцова в камер-юнкеры, что, возможно, было связано с тем, что фавориткой нового императора была сестра графа – Елизавета Романовна³⁰. Но Семен Романович умоляет не делать из него придворного и перевести в гвардию. «С самого раннего детства я имел страсть и неодолимый порыв к военному ремеслу», – писал он в автобиографии [4].

В начале июня Петр III объявил о походе против Дании, в то же время П.А. Румянцев ждал приказа пройти через Мекленбург и начать военные действия в Голштинии. С.Р. Воронцов, стремясь как можно быстрее принять участие в боевых действиях, вновь обратился с просьбой к императору отправить его «курьером к графу Румянцеву, чтобы «служить» при нем охотником до прибытия нашего полка» [5]. Государь одобрил рвение молодого поручика и за три дня до переворота издал соответствующий приказ.

28 июня 1762 года, в день переворота, Семен Романович Воронцов, получив приказание направиться к графу Румянцеву, намеревался утром выехать в Ораниенбаум, чтобы проститься с императором. Но, уже будучи готовым отправиться в дорогу, он узнает от одного из своих родственников, что императрица находится в Измайловском полку, что к ней бегут гвардейцы Семеновского полка, присягают ей и провозглашают государыней, и что, «без сомнения, совершился решительный и заранее подготовленный переворот» [6].

Узнав об измене, восемнадцатилетний С.Р. Воронцов приходит в ярость. Но он уверен, что Преображенский полк сумеет защитить внука Петра Великого. Прибыв в полк, он вместе с капитаном П.И. Измайловым обходит ряды гренадер, объясняя им, что следует хранить верность законному государю, которому они присягали, и что лучше «<...> умереть честно, верным подданным и воином, чем присоединиться к изменникам <...>». «Мы умрем за него!» – отвечали они <...>» [7].

Согласно плану С.Р. Воронцова и его друзей, полк, двигаясь колонною по Невскому проспекту, должен подойти к Казанскому собору, где находилась Екатерина, и при первом выстреле со стороны мятежников ударить в штыки, смять их и уничтожить. Сомнений в успехе не было, так как те «толпились в расстройстве, без рядов и линий, как мужики, собранные случайно и большею частью в пьяном виде; мы же были в стройном порядке» [8], – вспоминал граф. Он был уверен в своих солдатах и офицерах. Но, когда колонна полка начала выступление, в ее тылу появился премьер-майор полка князь Меншиков («преданный пьянству»), который воскликнул: «Виват Императрица Екатерина Алексеевна, наша Самодержица!» К возмущению юного графа, долго отсутствовавшего в столице и не вполне владевшего ситуацией, вся колонна гвардейцев повторила это восклицание. Тогда Воронцов принял решение плыть к Ораниенбауму, где находился император, и сопроводить его в армию великого военачальника П.А. Румянцева. Но сделать этого не успел, так как был арестован.

Воронцовы, за исключением княгини Е.Р. Дашковой, принадлежали к числу тех немногих, кто считал своим долгом сохранять верность императору.

³⁰ На третий день после кончины императрицы Елизаветы Петровны Петр III перешел в покои фаворита императрицы графа Шувалова, а Елизавета Воронцова, которую Екатерина Алексеевна называла «любимой султаншей» Его Императорского Высочества и которую 9 июня 1762 года император пожаловал орденом Святой Великомученицы Екатерины, переехала в его апартаменты. Несколько ранее, еще до похорон императрицы, между Екатериной Алексеевной и Елизаветой Романовной произошла ссора, после которой графиня Воронцова слегла. Она умолила Екатерину ее навестить и во время визита просила отпустить к отцу. Но когда Елизавета Романовна уже ожидала карету, чтобы покинуть дворец, к ней отправился император и приказал остаться. Позже в одном из писем польскому королю Станиславу Понятовскому Екатерина сообщала: «Он (Петр III. – *Авт.*) хотел переменить веру, жениться на Лисавете Воронцовой, а меня заключить в тюрьму» [Алексеев В.Н. Мария и Елизавета Романовны Воронцовы // Воронцовы – два века в истории России. Петушки, 1996. С. 24].

Неизвестный художник. Портрет Е.Р. Дашковой. 1762 г.

Под напором стремительно изменившихся обстоятельств, измены Петр III отрекся от престола, изъявив желание предаться уединению и заняться философией. Но на восьмой день царствования Екатерины он был задушен в Ропшинском дворце.

Пройдет время, и активная участница переворота Екатерина Романовна Дашкова напишет в письме брату Александру: «Маска сброшена... никакая благопристойность, никакие обязательства больше не признаются». На «отрезвление» Екатерины Романовны потребуются четыре года. Тогда же, в июльские дни 1762 года, она счастлива, что «революция завершилась без пролития крови» [9]. А сестра Екатерины Дашковой Елизавета была лишена ордена, звания камер-фрейлины и выслана в деревню. Ей запрещена переписка с родственниками³¹. Импера-

³¹ В том же году переписка была разрешена (Отдел рукописей РГБ. Ф. 743 (30, II).

трица потребовала, чтобы она не присутствовала на коронационных торжествах в Москве. В 1765 году Елизавета Воронцова выйдет замуж за А.И. Полянского (1721–1818), и Екатерина II, продемонстрировав милость и умение прощать, стала приемной матерью ее сына, назначила во фрейлины ее дочь Анну [10].

Неизвестный художник. Портрет Е.Р. Воронцовой (в замужестве Полянской)

Ф.Г. Друэ-младший. Портрет Д.М. Голицына

После кончины императора отец С.Р. Воронцова Роман Илларионович был арестован. У него отняли имения в Малороссии – Белики, Кобыляки, Старые и Новые Сенжары, лишили также имения в Карелии. Он «вынужден был продать железные руды, которые составляли половину его имения <...>», [11] и умер, потеряв более двух третей своего состояния и оставив детям долги.

Семен Романович Воронцов около двух недель находился под арестом. А к дому великого канцлера М.И. Воронцова был приставлен офицер, якобы для защиты его от народа. В действительности причина подобной «охраны» была в другом. Канцлер отказался присягать Екатерине, заявив, что он уже присягал законному государю. Между тем он имел весьма значительный авторитет в европейских политических кругах, и есть основания предполагать, что твердая

его позиция ускорила развязку событий. Он возобновил свою деятельность только после того, как узнал о кончине Петра III.

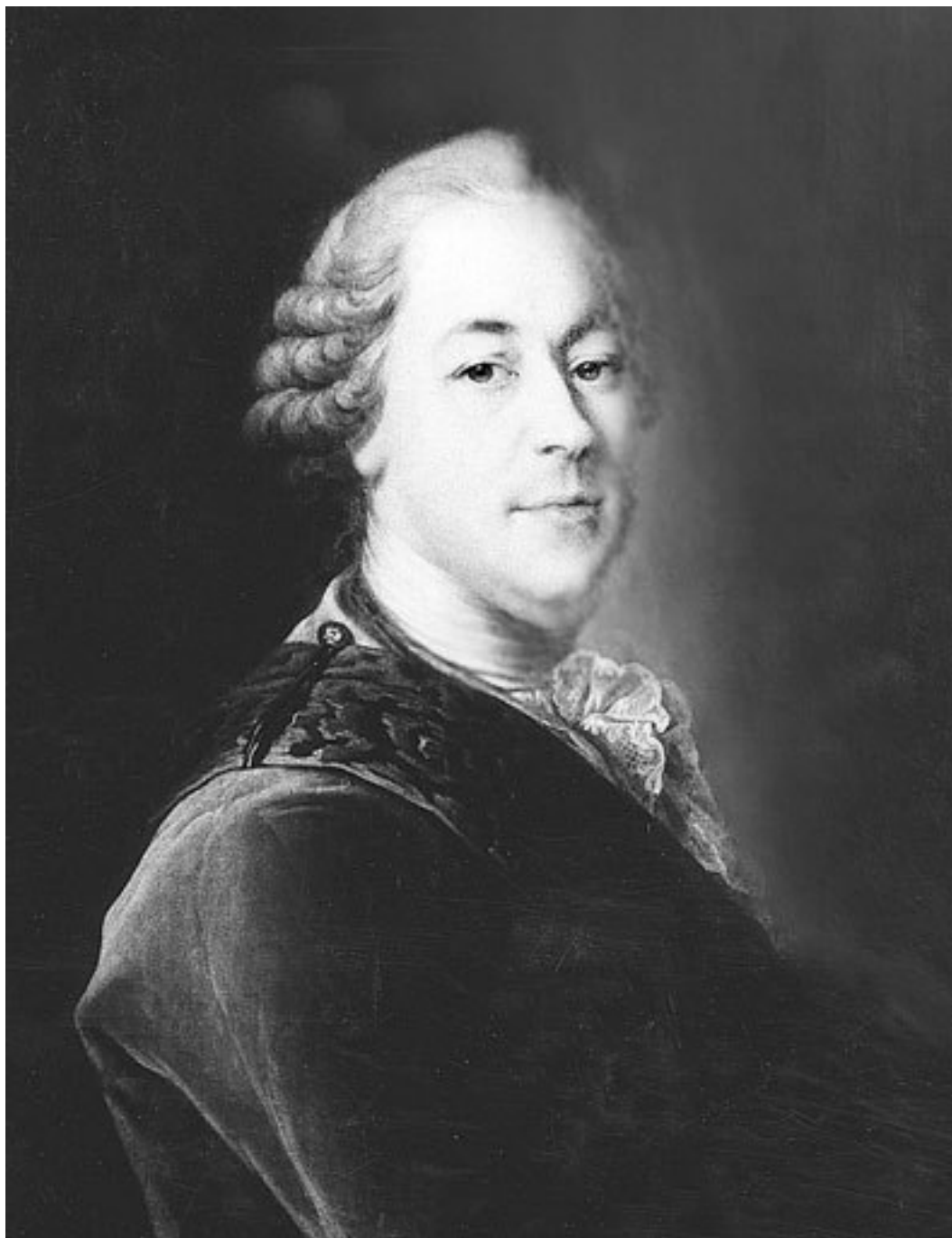
С.Р. Воронцов решил покинуть военную службу и отправиться к брату Александру в Англию, где тот находился в качестве посланника. Но его влиятельный дядя хорошо понимал, что племяннику нужна опека почтенного человека. И Семен Романович поехал в Вену к князю Д.М. Голицыну.

Действительный тайный советник, кавалер ордена Андрея Первозванного князь Голицын был послом в Вене более тридцати лет. Сохранившаяся сегодня память о нем – Голицынская больница в Москве, учредителем которой он являлся.

Спустя пятнадцать (или шестнадцать) месяцев С.Р. Воронцов, сопровождая своего дядю М.И. Воронцова, совершил путешествие в Италию, Францию, посетил Берлин и вернулся в Россию.

В действующей армии

После июньского переворота 1762 года служба в гвардии, свергнувшей, по мнению Семена Романовича, законного императора, стала для него невозможна. М.И. Воронцов не позволил племяннику уйти в отставку, и тот отправил прошение о службе в армейском полку. Позиция Семена Романовича по отношению к новой власти была хорошо известна правительству, и его регулярно обходят в чинопроизводстве, вынуждая уйти в отставку. М.И. Воронцов к тому времени (1766 год) тоже оставил службу и жил в своем доме в Москве или в имениях. После смерти дяди в 1767 году Семен Романович вернулся в Санкт-Петербург. Он влюблен, а потому счастлив. Прекрасная дама сердца – его двоюродная сестра, графиня Анна Михайловна Строганова, дочь канцлера, умна, красива, императрица принимает активное участие в ее судьбе. В пятнадцать лет она стала супругой барона А.С. Строганова (в 1761 году он получил титул графа Священной Римской империи). Переворот 1762 года расколол семью.

Л. Толке. Портрет М.И. Воронцова

А.Г. Варнек. Портрет А.С. Строганова

Граф оказался в партии императрицы, а Анна Михайловна разделила позицию своей семьи. В 1764 году графиня Строганова возвращается к родителям и теперь представляет себя как «Воронцова, бывшая по несчастью Строгановой»³² [1].

В конце 1768 года Турция объявила России войну. Долг дворянина – защита Отечества. Семен Романович Воронцов высказывает свое намерение участвовать в военных действиях

³² В 1769 году Анны Михайловны не станет. Через полтора года граф женится на княжне Е.П. Трубецкой, но та покинет его и детей ради любви к фавориту Екатерины II Н.И. Корсакову. Для современников А.С. Строганов был истинным меценатом, покровителем русских художников.

президенту Военной коллегии И.Г. Чернышеву, который одобрил его желание, заметив при этом, что Воронцов стал единственным офицером, который по случаю войны пожелал вернуться на службу, в то время как просьб об увольнении получено более четырехсот.

С.Р. Воронцов мечтал служить под началом великого военачальника князя П.А. Румянцева, который присягнул новой императрице лишь после того, как удостоверился в смерти Петра III. В 1764 году он был назначен на должность генерал-губернатора Малороссии, ибо России накануне войны с турками следовало иметь крепкий тыл³³. Находясь в зените славы, П.А. Румянцев оставался простым и доступным в общении. Его уважали как человека государственного ума и прекрасных личных качеств. Неудивительно, что С.Р. Воронцов мечтал видеть именно его своим командиром. Прибыв в армию, он получил в командование гренадерский батальон.

³³ Трудно представить, что тот, кого современники считали одним из величайших полководцев, в юности вел разгульный образ жизни, слыл повесой, а потом был отправлен в деревню к отцу, который, встретив сына, велел принести розги. Петр Александрович, увидев розги, воскликнул: «Я полковник!» Отец строго ответил: «Я уважаю мундир твой. Но ему ничего не сделается. Я буду наказывать не полковника. Ложись». Восемнадцатилетний полковник снял мундир, слуги взяли розги. Эта порка отучила будущего генерал-фельдмаршала от недостойного поведения.

Д.Г. Левицкий. Портрет П.А. Румянцева

7 (18) июля 1770 года состоялось сражение между первой армией генерала П.А. Румянцева и турецко-татарскими войсками крымского хана Каплан-Гирея. На стороне русских 38 тысяч человек, 115 орудий против 65 тысяч татарской конницы, 15 тысяч турецкой пехоты, 33 орудий противника.

Д. Ходовецкий. П.А. Румянцев в сражении при Кагуле 21 июля 1770 г.

За несколько дней до этого П.А. Румянцев отправил Воронцова с 200 егерями сбить с позиции от 2 до 3 тысяч турок, засевших в кустарнике вдоль фронта всей армии. Приказ был выполнен. Потери противника после сражения насчитывали более тысячи человек убитыми и до 2 тысяч ранеными, разбитой оказалась вся артиллерия. Потери русских – 90 человек. За битву при Ларге С.Р. Воронцов был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени.

Поражение авангарда турецких войск при Ларге способствовало разгрому их главных сил при Кагуле. Здесь соотношение сил накануне сражения было таковым. Турецкие войска – до 50 тысяч человек пехоты, 100 тысяч конницы, 130–180 орудий. Союзники турок – войска крымского хана (до 80 тысяч человек) должны были атаковать русскую армию с тыла. Русских – 38 тысяч человек, 1490 орудий.

После битвы потери противника составили около 20 тысяч человек и 130 орудий, у русских – около 1500 человек. Подобные цифры говорят настолько красноречиво, что не требуют дополнительных пояснений. Великая победа русской армии!

Получив реляцию о сражении, императрица произвела П.А. Румянцева в фельдмаршалы, а С.Р. Воронцова – в полковники. Кроме того, последний был удостоен Креста Святого Георгия 3-й степени³⁴.

³⁴ С.Р. Воронцов безупречно выполнял свои обязанности и требовал того же от других «баричей-офицеров». По этой

Военно-тактические приемы Воронцова принесли ему уважение А.В. Суворова. «Тактика ваша, – писал тот Воронцову, – должна быть в кабинетах всех государей»³⁵. Подобно А.В. Суворову Воронцов искренне беспокоился об условиях жизни своих подчиненных и делал все возможное для улучшения солдатского быта. «Мы молим за него Бога, – говорил один из старых сослуживцев графа Ф.В. Ростопчину. – Он был нам отец, а не командир» [2].

Неизвестный художник. Изображение А.В. Суворова на табакерке

С.Р. Воронцов (а затем и его сын М.С. Воронцов) считал храбрость, самоотверженность врожденными качествами русских солдат, а русских пехотинцев – лучшими в Европе. В своих

причине в 1772 году в Яссах состоялась дуэль между графом Воронцовым и графом Стакельбергом. Семен Романович тяжело ранил противника. На сестре Стакельберга был женат один из Орловых, еще имевших при дворе сильное влияние.

³⁵ В Архиве внешней политики Российской империи МИД России хранится частная переписка А.В. Суворова с графом С.Р. Воронцовым, которая подтверждает, что между великим полководцем и выдающимся дипломатом существовали особо доверительные дружеские отношения. Например, 14 марта 1800 года фельдмаршал писал ему из Кобрина: «Милостивый Государь мой Граф Семен Романович! Зная, что ваше сиятельство по дружественному ко мне расположению примете участие во всем до меня касающемся, поставляю обязанность известить вам, что я, слава Богу, от тяжелой болезни освобожден и отправляюсь ныне из Кобринских моих местностей в С.-Петербург повергнуться к освященнейшим стопам Всемилостивейшего моего Монарха. С совершенным почтением пребуду навсегда вашего Сиятельства Преданнейший Слуга. *Суворов*». В ответном письме выдающемуся военачальнику С.Р. Воронцов писал, что будет всегда «преисполнен нелицемерного почтения и совершенной преданности» (Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД России (далее ВПРИ ИДД МИД России). Ф. 36. Он. 1. Д. 566. Л. 12–13).

записках о русском войске он подтверждал свою преданность идеям Петра Великого об организации русского войска, считая, что после 1763 года, когда полковникам была дана неограниченная власть, в армии начались злоупотребления, появилось бесчеловечное отношение к солдатам. В то же время граф высоко ценил заботы Г.А. Потемкина о введении в войсках удобного воинского обмундирования, подчеркивая при этом, что здоровье солдат – предмет неосценимый, о котором более всего надо заботиться командирам. Он считал вредным упразднение многих степеней воинской чинопоследовательности, так как этим было уничтожено соревнование между офицерами и нанесен вред самому духу подчиненности.

С.Р. Воронцов особенно подчеркивал, что состояние войска зависит от нравственных качеств и уровня образования офицеров. При этом считал: «Войско, где все офицеры – дворяне, конечно, выше того войска, где офицеры – выскочки». Он полагал, что дети «мелких торгашей» поступают в армию для получения высокого чина, что, в свою очередь, обеспечит им материальное благополучие. В то же время в дворянских семьях, где дети с семи – восьми лет слышат о славе отцов, с раннего возраста воспитывалось чувство чести, «без которого войско есть не более как людское стадо, обременяющее страну, позорящее ее и неспособное ее защитить» [3].

С.Р. Воронцов не стеснялся откровенно говорить о том, что офицер-дворянин, владеющий помещьем, которое приносит ему основной доход, должен при желании иметь возможность с ноября по февраль находиться в своей усадьбе и заниматься хозяйством. Для этого он предлагал упростить систему предоставления офицерам отпуска, так как служба не должна их разорять и быть им в тягость.

Считая, что достойное выполнение служебных обязанностей – главное доказательство любви к Отечеству, граф относился к службе с особой любовью и привязанностью. Он сумел досконально изучить военное дело как практически, так и теоретически, исследовал тактическую и военно-административную стороны военного искусства. Результатом этой работы над собой стала «Записка графа С.Р. Воронцова о русском войске», которая оставалась актуальной спустя десятилетия после ее написания, практически – на протяжении всего XIX века. В ней С.Р. Воронцов предложил проект создания школы Генерального штаба. Она могла обучать восемьдесят или сто юношей; должна быть независимой от кадетского корпуса; должна находиться в деревне, что позволит проверять теоретические знания на практике; призвана давать ученикам хорошие знания по математике и съемке планов; должна иметь лучшие инструменты, обширную библиотеку; обязана подготовить учащихся к сдаче публичных экзаменов в конце обучения, прием которых осуществлять очень строго.

В результате в Генеральный штаб должны прийти лучшие из лучших выпускников школы. Им начисляется высокое жалованье, они повышаются в воинском звании, а те, кто не выдержал экзамена, отправляются в полки. «Армия, не имеющая отличного Генерального штаба, похожа на тело без души», – считал С.Р. Воронцов. Он полагал также целесообразным открытие в России специальных артиллерийских школ с преподаванием в них математики, физики, химии и обязательной проверкой знаний по теории на практических занятиях. Его волновали также проблемы подготовки молодежи и для дипломатической деятельности. Он считал, что необходимо постепенно готовить русскую молодежь для замещения в дальнейшем должностей консулов, поверенных в делах, посланников, так как засилье иностранцев в дипломатическом ведомстве отрицательно сказывается на его деятельности. Для решения этой проблемы граф предлагал открыть в Петербурге школу для двадцати пяти или тридцати обедневших дворян с целью обучения их иностранным языкам. Затем из них отбирать студентов в Коллегию иностранных дел, где бы они повышались в чинах по мере их способностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.